

УДК 316.454.5

П. П. Дерюгин, И. А. Баруздин

Санкт-Петербургский государственный университет

С. В. Курапов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СЕТЕВОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Посвящено обобщению и анализу сложившихся методологических подходов к исследованиям процесса социальной идентификации в философской и социологической науке. Раскрыты на философско-социологическом уровне характеристики процесса социальной идентификации. Рассмотрена история становления концепта идентичности, сделан краткий обзор идей, связанных с исследованием идентичности в областях философии и психологии. Рассмотрены подходы к исследованиям процесса идентификации в различных школах и направлениях социологии. Выявлены основные социологические аспекты изучения проблемы идентификации в среде российской молодежи. Показаны эвристические возможности сетевого метода по изучению идентификации, раскрыты преимущества его аксиологического направления, указано влияние ценностей на идентификационный выбор современной молодежи.

Идентификация, идентичность, ценности, сетевой анализ

Идентификация как высшая форма социализации. В современной социологии идентификация считается высшей формой социализации и по существу признается одним из фундаментальных социальных процессов, на основании которого выстраивается вся социальная структура. Значение и важность исследований идентификации возрастает, а в постиндустриальном обществе эта проблематика становится одной из центральных тем социологического дискурса [1]. В современном российском обществе исследователи фиксируют «идентификационный кризис» на уровне не только индивидуального сознания, но и всего общества [2, с. 44]. И если в советский период идентификация сопровождалась активной идеологической и воспитательной работой, то в настоящее время идентификация многих социальных групп и слоев российского общества, отдельных личностей происходит противоречиво и неоднозначно. В обществе растет социальная дифференциация и множатся попытки одних социальных групп утверждать свое превосходство над другими слоями и группами. Это выражается в фактах социально-классового противостояния, национального эгоизма, этнических конфликтов, проблем с мигрантами и пр. и проявляется как новые тренды и закономерности в идентификационных процессах, требующие современного осознания и объяснения.

В обыденном сознании и на бытовом уровне возникают все новые механизмы и схемы социального взаимодействия, в результате чего идентификация все чаще определяется как неуспешная. Это тем более актуально в российском обществе, в котором разрушены ценности, а

отстраненность политических и социальных институтов, средств массовой коммуникации от воспитательного влияния на мировоззрение и установки российской молодежи привела к тому, что подавляющая ее масса не идентифицирует себя с такими социальными и профессиональными выборами, как, например, активная гражданственность или служба на благо Родины [3], [4]. Изучение проблем идентификации особенно актуально среди той части молодежи, которая связывает свое будущее со служением Родине, воинской или казачьей службой.

В условиях информационного общества и глобализации исследование социальной идентичности сопряжено с новыми обстоятельствами, в которых человек может стать участником практически неограниченного числа больших и малых социальных групп, отождествлять себя с ними, что выступает стимулом к дальнейшей разработке проблем теории и практики идентификации [5]–[7]. Социологам хорошо известно, что в науке нет единых подходов или критериев для изучения идентификации.

Очевидна и практическая направленность теоретических исследований идентификации. По мнению А. Ю. Шадже, Е. С. Куквы, А. А. Хацаца, потребность в систематизации знаний по проблемам идентичности и разработке общей стратегии исследований продиктовала необходимость консолидированных усилий российского научного сообщества в различных научных дисциплинах [2, с. 46]. В интересах обобщения полученных данных по проблематике идентификации молодежи в российском обществе создан специальный сайт «Экспертной сети по исследованию идентичности», который предназначен для решения следующих задач:

- создание базы данных занимающихся этой тематикой исследователей и центров;
- формирование электронной библиотеки опубликованных работ, авторефератов и диссертаций российских исследователей;
- координация исследовательских стратегий в рамках разработки и обсуждения ключевых направлений исследований;
- проведение научных мероприятий (круглых столов, семинаров, конференций) и подготовка совместных публикаций, в том числе тематических номеров в научных журналах и сборников статей [2, с. 46].

В свете изложенного целью данной статьи является раскрытие на философско-социологическом уровне характеристик процесса социальной идентификации, а также освещение противоречий и трудностей, сопровождающих изучение идентификационных процессов в молодежной среде.

История и концепт идентичности в философской мысли. Сущностное определение идентичности в социологии затрагивает фундаментальную проблему индивида, стремящегося отождествить себя с некоторой социальной группой и определить свою принадлежность или непринадлежность к окружающим его социальным и личным формациям. Однако прежде чем исследования проблемы идентификации приобрели в социологии современный статус, ранее ее стали изучать философы и психологи [8].

Уже с середины XVI в. западная философская мысль сформировала мнение, что индивид является не некоторым конструктом с заданными раз и навсегда стандартами принадлежности к каким-то социальным нормам или образованиям, но активным актором, постоянно пытающимся определить себя во внешнем мире как его часть – идентифицироваться с какими-то другими индивидами. Ведущая роль семьи, классов, профессиональных и социальных групп, следование сложившимся в них социальным и культурным нормам признавались как данность, не требующая каких-либо доказательств. И только начиная с Нового

времени, формируется современное понимание идентичности, которое неизменно связывается с представлениями об отличиях в моральных ценностях, роли саморефлексии, индивидуализме и эгоизме – всем тем, что характеризует личность как независимую и самостоятельную социальную единицу [9, с. 165]. Сам концепт идентичности в социологии начинают исследовать значительно позже, чем это было сделано в философии и психологии. Фактически же «личностная история человека» – история идентичности личности как научная категория и понятие возникает в социально-гуманитарном пространстве только в XIX в.

Исследователи философских концепций, связанных с обсуждением проблем идентификации, раскрывают «две основные тенденции в изучении идентификации в рамках отечественного социально-философского дискурса:

1) идентификация как взаимообусловленность «Я»–«мы» вне этических оценок; идентификация как процесс уподобления «Я» тем или иным образцам и моделям;

2) идентификация как общественная детерминация, процесс приобщения личности к нормам общества, а также выбора жизненных ценностей, согласие или несогласие с ценностями коллективного «Я». Главной целью здесь является обретение некоего тождества при социальном взаимодействии, в результате чего появляется идентичность как результат отождествления и деятельности сознания» [10, с. 231].

Приведем краткий обзор философских идей, связанных с исследованием идентичности.

Что касается попыток показать и сформировать трактовку человека как существа с надличностными и объективными предпосылками, то они связываются с наметившимся интересом социально-гуманитарных наук следовать научному методу естественных наук. Это была концептуальная позиция, принципиально отличающаяся от позиции Дж. Беркли с его «суверенным человеком», не зависимым от внешних обстоятельств и не предполагавшим каких-либо трансформаций или изменений под воздействием социума. Уже позитивисты (Т. Гоббс, Дж. Локк, впоследствии Д. Юм) предприняли попытку показать индивида как совокупность общих или «универсальных» закономерностей, описать его объективное и исключить индивидуальное и особенное. Фактически такой подход возобладал в философии в XVIII в.

Другая часть исследований, на основании которых возникает современная концепция идентичности в социологии, связана с психологией. Первоначально В. Дильтей, исповедовавший методологию и принципы понимающей психологии и герменевтики, а затем Уильям Джеймс приходят к выводам о механизме «осознания личного тождества», т. е. такого субъективного познания окружающего мира человеком, которое приводит к появлению схожих или тождественных ценностей, установок и убеждений и которое позволяет говорить о единстве внутреннего мира человека и его социального окружения. В «Принципах психологии» У. Джеймс говорит о двойственной природе человека: «Я личностное» (как человек воспринимает сам себя) и «Я социальное» («с формированием многообразия социальных Я»). Не вводя в научный оборот и не используя понятия «идентичность», «идентификация», он показывает природу человека как двойственную.

Еще более продвинутыми и актуальными стали теоретические и концептуальные идеи идентификации, разработанные и описанные в психоанализе З. Фрейда в конце XIX – начале XX в. Богатая врачебная практика и накопленный фактический материал позволили Фрейду описать и охарактеризовать многие элементы процесса идентификации, сформировать некоторые его типологические схемы. В частности, показательны в этом отношении такие характеристики идентичности, которые З. Фрейд определяет как «ясное осозна-

ние внутреннего тождества» с другими людьми, «уютное сознание общности психологического устройства» с ними [11] и др.

Последующие исследования идентификации личности Э. Эриксона, Г. Тэджфела и других ученых выходят на грани социологического осознания этого процесса. Становится явным понимание того непреложного факта, что идентификация личности не может быть осознана, понята и объяснена, если в исследовании разрываются ее индивидуальный и социальный уровни [12]: этот сложный, многогранный и противоречивый процесс следует трактовать как явление не только личностного, но и социального порядка, при детерминирующем влиянии внешней среды.

Проблема идентичности в социологии. И. В. Барышникова справедливо отмечает: «Современное теоретическое осмысление феномена идентичности формируется к концу 60-х гг. XX в., по мере того, как социология обращает внимание на то, что социальные агенты создают собственные классификации социальных фактов и что эти классификации обусловлены формами социальной дифференциации» [13, с. 166]. Однако начались исследования по вопросам социальной идентификации и идентичности в социологии в XIX–XX вв. Э. Дюркгейм и М. Вебер, Дж. Мид и А. Грамши, И. Гоффман и А. Шюц, Т. Парсонс и Р. Мертон, П. Бурдьё и Т. Лукман и другие ученые с позиций самых разнообразных подходов исследовали этот феномен в социологии. Наиболее полно такие исследования осуществлялись в рамках символического интеракционизма, структурного функционализма и функционализма, интегративной и феноменологической школы. Подчеркнем, что в рамках обозначенных исследований складывается своеобразное понимание проблемы идентичности и идентификации в социологии.

Основными факторами роста внимания к этой проблематике выступили глубинные трансформации в общественном развитии, изменения в мировоззрении и в новом содержании деятельности социальных институтов XIX в., обусловившие «принципиальное изменение положения личности в обществе» [13, с. 166]. В рамках индустриального общества появляются новые возможности для широкого социального выбора и социальной мобильности личности, самоопределения образа ее жизни и деятельности, усиливается социальная дифференциация среди новых классов и слоев общества, что ставит перед социологической наукой задачи теоретического осмысления социальных механизмов и индикаторов изучения новых форм идентификации.

В социологической теории функционализма и структурного функционализма идентификация рассматривается как основополагающий процесс, который обеспечивает гомеостаз между личностью и обществом. Начиная с работ О. Конта, Г. Спенсера, В. Парето и др., где были заложены фундаментальные принципы социологии в исследовании отношений личности и общества, перспектива исследования проблемы идентификации получила свое объективное обоснование. В частности, в работах Г. Спенсера, у которого идеи эволюции общества и построения «системы социологии» предполагают детальное исследование трансформации отношений «человек – общество» по мере изменения социума, подчеркивался тот важный для социологии момент, что посредством идентификации личность включается в общество и тем самым одновременно трансформирует его структуру и видоизменяет его функцию. Так были обоснованы начала изучения идентификации в социологии.

Тем не менее первенство в методологических исследованиях социальной идентификации в социологии принадлежит Э. Дюркгейму, который определил ее роль и раскрыл ее сущность

как социального процесса, имеющего всеобъемлющий характер. В частности, им сформирована концепция «трансляции социальных идентичностей», в которой показан процесс возникновения «социальной сущности» личности через систему «надындивидуального», на основании чего формируется непрерывный процесс взаимосвязи и переходов ценностей поколений [14, с. 73–75]. Дюркгейм раскрыл важную закономерность и отличия идентификации в традиционном и современном обществе. Классик социологии показал, что в традиционном обществе приоритетом выступает тенденция самоорганизации личности и достижения ею своей самоидентичности, в то время как в современном обществе идентичность становится все более социально обусловленной. Далее такой подход был развит Т. Парсонсом.

В работах Т. Парсонса подчеркиваются и более отчетливо описываются элементы идентификации, придающие этому процессу более структурный характер. К базовым элементам исследования идентификации отнесены норма, которая фиксирует состояние социальной системы, и самоопределение индивида в нормативном порядке. За счет чего идентичность рассматривается Парсонсом не просто как состояние или процесс, но как структурный элемент социума? Это складывается, во-первых, за счет «знания, полученного индивидом», системы современного общества (нормы), во-вторых, за счет осознания своей нормативной определенности и самоопределения в нормативном поле. В современном социальном пространстве идентификация составляет особую структурную характеристику личности [15].

По мнению Парсонса, процесс идентификации, с одной стороны, влияет на многие социальные элементы, с другой – сам подвергается многочисленным влияниям и изменениям. Далее следует отметить, что в рамках этой теории идентификация осуществляется как взаимодействие трех базовых элементов процесса: 1) индивид или субъект идентификации; 2) характерная ситуация (определенная и описанная в конкретных категориях); 3) условия идентификации – ценности и нормативные постулаты (у Э. Дюркгейма это еще не ценности, это «культурные постулаты»), а также природные, биологические и физические условия. Взаимодействие и особое влияние этих элементов идентификации составляет одно из важных положений, актуальных для современных исследований идентификации. Далее Т. Парсонс и его последователи рассматривают идентификацию в качестве такого (особого) *социального действия*, которое отличается тремя важными социальными характеристиками: 1) нормативностью (как задаваемые социальные стандарты поведения); 2) символичностью (здесь важны коммуникации, ценностные ориентации и др.); 3) волюнтаристичностью, отличающей идентификацию каждого конкретного индивида от внешней среды и других людей. При этом идентификация одновременно может протекать во всех подсистемах общества, включая социальную, культурную, политическую. Такое понимание идентификации послужило основанием для осуществления многочисленных эмпирических и прикладных исследований, осуществляемых в рамках структурного функционализма.

Структурный функционализм раскрывает роль идентификации как особого социального механизма трансформации общества (от поколения к поколению), в чем, несомненно, состоит одно из важных достоинств этого подхода в описании и объяснении идентификации. Наряду с этим такая трактовка идентификации как бы предполагает последовательность и эволюционность развития общества, т. е. понимается макросоциологически как незыблемый закон его развития.

Социологическая теория *символического интеракционизма* исследует *идентичность между индивидами* как результат непосредственного социального контакта двух и более

людей (Ч. Кули и Дж. Мид) и по существу формирует основания микросоциологического подхода в исследовании этого феномена.

Большое значение процессу идентификации придавал Ч. Кули, в особенности в ранние периоды жизни человека, когда, по мнению ученого, процесс социализации личности только начинается. В своей работе «Человеческая природа и социальный порядок» (1902 г.) автор показывает решающую роль «зеркального Я» (looking-glass self) и первичной группы (Primary Groups) как особых агентов идентификации, как «особую центральную, энергетичную и сплоченную часть, не отделенную от остального сознания, а постепенно перетекающую в него, но вместе с тем обладающую определенной практической обособленностью» [16, с. 135]. Ч. Кули подчеркивает, что «Я-чувство присуще от рождения каждому индивиду; и подобно другим инстинктивным представлениям или их зачаткам, оно оформляется и развивается благодаря опыту» [16, с. 127]. Оформление и развитие «Я-чувства» в «Я социальное» происходит в процессе социальных контактов.

Помимо важной роли характера восприятия окружающих, в этот период формируется система личностных суждений, выделяющих самого себя в мире окружающих человека людей. В последующем эти суждения трансформируются «в стабильную концепцию собственной или индивидуальной личности, т. е. идентичность» [16, с. 127]. Формирование «Я социального» завершается, когда «Я и общество становятся близнецами». Теперь уже «Я социальное» предстает как «представление или система представлений, почерпнутая из общения с другими людьми, которые сознание воспринимает как свои собственные» [16, с. 130]. И далее: «Подобно тому, как, видя свое лицо, фигуру и одежду в зеркале, мы проявляем к ним интерес, потому что они наши, и бываем довольны или не довольны <...> так и в воображении мы рисуем себе, что думают о нашей внешности, манерах, намерениях и т. д., и это оказывает на нас самое разнообразное влияние» [16, с. 136].

Социальное (идентифицированное) «Я» по Ч. Кули состоит из трех элементов:

- наши собственные представления о том, как мы выглядим в глазах других людей;
- суждения о нас самих в представлениях других людей (мы этого знать не можем);
- собственное представление о себе (кто такой «Я» – гордость? стыд? совесть?.. Перед каждым другим мы представляем себя по-разному).

В процессе идентификации важную роль играет совокупность социальных и наследственных факторов, включая первичную группу, семью, темперамент, способности, задатки и пр. [17]. Индивид в первую очередь ориентирует свой выбор на такие объекты взаимодействия, которые физиологически или социально сами будут похожи на него: одаренные люди ориентированы на активную деятельность в понятной и принимаемой ими среде (ученый, музыкант, спортсмен, инженер и пр.). Люди с физическими или психическими нарушениями склонны замыкаться в социальной среде, где их качества и свойства находят свою более полную реализацию и способность к существованию.

Ч. Кули показывает существенный аспект идентификации, который заключен в гендерном моменте. Позже эти идеи были использованы в концепциях гендерного дисплея И. Гоффмана и гендерных линз С. Бем. Кули отмечает, что мальчики менее восприимчивы к социальному влиянию. Мальчиков больше увлекает «физическая активность, как таковая, и конструирование; их воображение в большей мере занимают вещи, нежели люди», в то время как девочек «больше заботит мнение других людей, они больше думают о нем, и поэтому даже на первом году жизни проявляют способность к хитрости, к манерности, а зачастую и к аффектации, которых мальчики относительно лишены» [18, с. 148].

Главной ареной идентификационного процесса Ч. Кули определяет первичную группу, первичную в том смысле, что эти группы «являются фундаментом для формирования социальной природы и идеалов индивида» [18]. В первичной группе непосредственные межличностные отношения формируют все непосредственные контакты и коммуникации, выступают основанием сотрудничества и конфликтов, взаимопонимания и других форм взаимодействия. Прежде всего такие отношения возникают в семьях, в процессе детских игр, в дружеских компаниях. Особая роль, по мнению автора, принадлежит референтным группам, ценности и установки которых оказывают самое существенное влияние на идентичность.

У Ч. Кули идея «зеркального Я» и первичной группы взаимосвязаны, и в основе этих явлений лежит процесс формирования ценностей и установок, которые являются результатом многочисленных рефлексий на взаимные восприятия, восприимчивость и реакции. При этом важная роль принадлежит подражанию, в частности, если ребенку постоянно говорить о том, что он особенный, достойный и сообразительный, то впоследствии он будет подражать этим ориентациям и достигать таких характеристик в своем поведении.

Несколько по-иному в рамках интеракционистской модели на процесс идентификации смотрел Дж. Мид. Идентификацию он понимал как единство личности и социума. Идентичность – изначально социальное образование, индивид видит (а значит, и формирует) себя таким, каким его видят другие. Наличие общей символической основы (язык, жесты, значимые символы) в социальном опыте участников коммуникации позволяет приспособлять друг к другу действия различных человеческих индивидов в рамках социального процесса [19].

Основной технологией достижения такого целостного самовосприятия (идентификации индивида) он считал социальное взаимодействие, благодаря которому возникают и эта целостность, и единство всех элементов социального мира, и их непрерывная связь. Группа представлена Дж. Мидом как «обобщенный другой», с которым индивид связан на уровне как осознаваемом, так и подсознания. Осознаваемая идентификация выстраивается через рефлексирование личности в процессе взаимодействия с другими людьми и в конечном итоге проявляется в форме социального поведения. Неосознаваемая идентификация складывается как совокупность ожиданий, которая исходит от социального окружения.

В феноменологических концепциях идентификации (Р. Линтон, И. Гоффман, Г. Фогельсон, А. Шюц) идеи идентификации связываются с пониманием нескольких структурных элементов, взаимодействие которых выступает катализатором процесса идентификации. Главная особенность настоящей методологии заключена в понимании индивида (своего «Я») как мира, населенного другими «Я», с которыми «Я» находится в различной социальной дистанции (приближенности или удаления) [20, с. 117]. Характеризуя принципиальное отличие феноменологического подхода в понимании идентификации, исследователи отмечают важную заслугу этой методологии, выражающуюся в том, что «в центре внимания феноменологической социологии оказывается поведение индивида как производное от социального порядка, а не результат индивидуального выбора человека» [13, с. 167]. Идентификация, трактуемая «как производное от социального порядка», позволяет И. Гоффману выделить три вида идентичности индивида: «социальное Я» – социально детерминированное и зависимое от группы влияния определение индивида, «физическое Я» – неповторимый комплекс индивидуальных характеристик человека, фиксирующих его как конкретный объект во времени и пространстве, и «рефлексивное Я» – самовосприятие индивидом себя и своей жизненной ситуации, возникающей на основе рефлексии [21]. Далее эти идеи развиты И. Гоффманом в понятие «политики идентичности», пред-

ставляющей собой совокупность внешних проявлений индивида («техник» и «знаков»), которые формируют у группы социальное окружение личности, представление об индивиде как социально обусловленном конструкте. При этом складываются актуальная и виртуальная идентичности. Актуальная идентичность индивида представлена теми ее атрибутами, которые очевидны и легко воспринимаются окружающими. Напротив, виртуальная идентичность может рассматриваться только как перспектива или потенциал будущего поведения личности, которые можно только предполагать. Последнее положение особенно важно для осуществления соответствующих управленческих, педагогических и иных влияний на человека.

С идеей «политики идентичности» созвучны идеи «борьбы идентичностей» Г. Фогельсона, который выделяет четыре типа идентичности: «реальную» (какое «Я» сегодня), «идеальную» (каким «Я» будет завтра), «негативную» («Я», которого нужно избегать), «предъявляемую» («Я», которое индивид демонстрирует другим). В данном случае идентификация складывается как процесс, который происходит в форме «работы», «борьбы» или «политики», являющимися результатом противостояния различных типов идентичности: «негативная» – «реальная», «предъявляемая» – «идеальная» и т. д. На основе этого противостояния в свою очередь формируются процессы самореализации и самовыражения, защитные механизмы и вся система отношений личности и группы.

И в конструктивистской концепции феноменологической социологии П. Бергера и Т. Лукмана осуществляется похожая попытка рассматривать идентичность как результат «единства и борьбы» объективного и субъективного в некоторых подструктурах общества. В данном случае идентичность понимается как базовый элемент социума, как «ключевой элемент субъективной реальности, формируемая социальным процессом. Однажды выкристаллизовавшись, она поддерживается, видоизменяется и переформируется социальными отношениями» [22, с. 279], на основании которых осуществляется первичная и вторичная социализация. Появление обобщенного другого из совокупности конкретных реальных других знаменует завершение первичной идентификации. Вторичная социализация связывается с социальными ролями и тем социальным порядком, который конструируется в результате идентификации индивидов. В этом отношении понятия «идентичность», «образ Я» и «Я-концепция» синонимичны. Подчеркнем важную особенность подхода П. Бергера и Т. Лукмана в понимании проблемы идентичности, которая всецело зависит от конструирования социальной реальности самой личностью и трансформируется под влиянием изменений социума.

Как и в других социологических концепциях, идентичность в феноменологической теории рассматривается как устойчивый комплекс представлений человека о самом себе, которые не меняются или меняются совсем незначительно под влиянием новых ситуаций или во временных интервалах. Идентификация рассматривается как предтеча идентичности и как зависящая от социального окружения, конкретно – группы, с которой индивид налаживает взаимодействие. Идентичность в этой концепции представляется как иерархия, основанная на определенных принципах, где одни факты биографии являются более значимыми, чем другие [22, с. 263]. Большое значение для самоидентификации играет совокупность социальных ролей, в которую включен индивид, по существу являющихся алгоритмом или условиями осуществления траектории поведения.

Как мы видим, концептуальные позиции представителей как социологии интеракционизма, так и феноменологической социологической традиции связывают идеи идентичности с идеями противопоставления, будь то противопоставления личности и группы, под-

структур самой личности или групп и общества в целом и т. д. В любом случае этими противопоставлениями объясняются закономерности и правила социального взаимодействия. Далее мы увидим, как в социологической теории делаются попытки снять эти противоречия и найти интегративные объединяющие подходы в объяснении идентификации.

В какой-то степени попытка разрешения противоречий в понимании идентификации между макро- и микросоциологическими подходами описана в работах Ю. Хабермаса, который предлагает выделять личностную и социальную идентичности. По его мнению, социальная идентификация направлена на освоение социального пространства личности и в конечном итоге позволяет исполнять требования социально-ролевых систем человека, в которые он включен. Это горизонтальная идентичность, она не связана с конкретными людьми и группами взаимодействия. «Горизонтальное измерение – социальная идентичность – обеспечивает возможность выполнять различные требования всех ролевых систем, к которым принадлежит человек» [23]. Напротив, «вертикальное измерение – личностная идентичность – обеспечивает связь истории жизни человека» [23] и характеризует его жизненный путь. Гармония горизонтальной и вертикальной идентификаций признается как базовое условие существования социума.

Далее объединительная парадигма и интегративный подход находят свое развитие в социологических концепциях Э. Гидденса, С. Хантингтона, П. Бурдьё. В данном случае многомерность идентификации исследуется как совокупность (интеграция) самых разнообразных макро- и микрофакторов [24].

Пожалуй, наиболее концентрированно социологическая идея интегрального подхода в понимании идентификации (хотя и не в прямой постановке вопроса) выражена в концепции П. Бурдьё – теории габитуса, т. е. системы диспозиций мышления и действий, включающих знания и жизненный опыт [25, с. 99], габитуса как социального качества, вписанного в биологическое тело индивида. Одинаковые габитусы порождены одинаковыми социально-классовыми условиями, что в свою очередь выражается в идентификации индивида с другими индивидами [25]. Подчеркивая неповторимый индивидуальный порядок каждого габитуса любой личности, П. Бурдьё рассматривает его как социально обусловленное явление (классовые и национальные корни, гендерные и демографические аспекты и пр.).

С другой стороны, социальная идентификация понимается как глубоко освоенные и принятые ситуативные социальные практики – приспособление и замкнутость (у Э. Гидденса [26, с. 141–143]), как собственные объективные и субъективные черты своего социального окружения. Социальная идентификация зависит от индивидуальной идентификации, удовлетворенности/неудовлетворенности и состояния своего нынешнего габитуса. Индивидуальные габитусы формируют социальный габитус, в процессе идентификации с которым трансформируются индивидуальные матрицы получения информации и ее реализации в поведении индивида. Достигнутая идентичность габитуса реализует ряд важных для индивида функций: самосохранение, противостояние неблагоприятным воздействиям внешней среды, включенность в свою социальную среду. Изменение внешней среды приводит к изменениям габитуса и активизации идентификации в новых условиях.

Интегративный подход к исследованиям идентичности, на наш взгляд, может быть выражен некоторыми важными позициями:

– идентичность рассматривается в социальном плане широко как всеобъемлющий феномен культуры (Э. Гидденс), который поддерживается всеми иными социальными структурами и влияет на состояние общества. Одновременно индивид или группа могут участвовать в нескольких процессах идентификации;

– идентичность формирует чувство защищенности и уверенности, возникающее благодаря осознанию принадлежности к большим и малым социальным группам. Решающую роль в осуществлении идентификации играет самоопределение индивида. При этом мнение окружающих (группа, общество) существенно может повлиять на идентификацию (С. Хантингтон);

– идентичность может изменяться, трансформироваться, активизироваться и «переключаться» в разных направлениях и объединяться с разными направлениями социальной ориентации;

– по своему характеру идентичность может быть как вынужденная (по необходимости), так и желаемая. Это положение показывает широкие педагогические и управленческие возможности формирования идентичности, совмещения ее самых различных оснований;

– в постиндустриальном обществе идентификация будет все более индивидуализироваться и зависеть от субъективных решений индивида (М. Вевьерка).

При всем многообразии концептуальных взглядов на проблематику идентификации центральным моментом этого социального процесса признается освоение (присвоение) личностью ценностей группы и отождествление присвоенных ценностей с ценностями группы, отдельных личностей или общества (культуры) в целом, выступающих идентификационными эталонами. В противовес имитации, когда индивид только внешне подражает каким-то образцам действий или поведения, идентификация предполагает актуализацию своей личности в систему ценностей других людей, причем на бессознательном уровне.

Социологические аспекты изучения проблемы идентификации в среде российской молодежи. Изначально следует подчеркнуть, что во все исторические времена в рамках трансформирующихся обществ, к числу которых, несомненно, относится и современная Россия, молодежь практически всегда находится в состоянии кризиса идентичности, т. е. в таком положении, когда, с одной стороны, осознается неадекватность ценностей, сложившихся в предыдущие периоды и декларируемых как современные образцы и стандарты поведения, с другой – внутренние ориентации и установки молодых людей не сформированы в адекватные системы ценностей. В частности, можно говорить, что это противоречие проявляется в многочисленных формах конфликта идентичностей (социальная – политическая, гражданская – гендерная, этническая – религиозная, региональная – сетевая, семейная – политическая и др., где формируется целостное «Я»), которые перестают быть согласованными, вступают в явные и скрытые противоречия.

В условиях формирующегося постиндустриального общества могут быть выделены группы факторов, изменяющие социальное пространство и существенно трансформирующие идентификационные процессы, превращая идентификацию молодежи в стихийные и не поддающиеся социальному влиянию процессы. В частности, можно говорить о новых социокультурных рисках, которые складываются в условиях современной России и затрудняют идентификацию молодежи в естественной идентификационной среде:

– значительные скачки в развитии научно-технического прогресса, динамичное развитие информационных технологий, а одновременно с этим присвоение ценностей других обществ и национальных культур, которые ускоряют глобализационные процессы, превращая процессы идентификации молодежи в неизбежно сложное и противоречивое явление;

– превышение объема и роли «новых медийных феноменов» (М. Кастельс), а также информационных потоков, в рамках которых не осуществляется осмысление жизни, а, напротив, формируется фрагментарное сознание, не способное рефлексировать на все новые потоки информации;

– «запаздывание» культурного развития, которое ведет к информационно-коммуникативному неравенству [27], «спонтанной социализации» (Ф. Фукуяма), где «нехватка исторически сложившихся типов идентичности подменяется причудливыми, странными и опасными конгломератами сознания» [28, с. 131–132];

– утрата этническими культурами базовых характеристик, следствием чего является трансформация моделей этнокультурной идентичности, разрыв идентификационных элементов: семья – дошкольные учреждения – школа – вуз – социальные институты. «Противоречия, возникающие в этой связи, вызваны и состоянием ценностно-нормативной неопределенности в стране, имеют социокультурные корни, проявляются в отрицательном характере изменения традиционных и современных гражданских идентификаций; в отрицательной динамике изменения традиционных идентификаций со своей страной» [29];

– «размывание» ядра национального языка в результате расширения лингвоинформационных заимствований, необходимых для коммуникации в мировом информационном пространстве – «особое семиотическое пространство» (Ю. М. Лотман);

– негативная самоорганизация и упущенные возможности из-за отсутствия инновационной стратегии и культурной политики. В этих условиях, условиях социокультурного риска, происходят процессы идентификации молодежи [27] – виртуализация общества, которая изменяет традиционные смыслы идентификации: «Виртуальная реальность создает новую реальность, которая формирует в сознании молодежи новые ценностно-смысловые установки» [2, с. 44];

– смещение акцентов в процессе идентификации. Если ранее человек идентифицировался изнутри («самодетерминирование», К. Х. Делокаров [30]), то в современном мире он формируется извне;

– отсутствие профессиональных и идеологических ценностей как моделей идентификации [31];

– рост внутренних конфликтов с ближайшим окружением («отцы и дети») как фактор разрушения решающего условия выбора традиционных идентификационных моделей поведения;

– преобладание вынужденной идентификации;

– откладывание на будущее выбора осознанной модели идентификации.

Как показывают многочисленные социологические исследования, наиболее значимыми ценностями современного молодого человека, которые определяют стратегии идентификации, становятся: деньги, развлечения, карьера, здоровье, юмор, туризм, пацифизм и прагматизм [32]. Гражданская идентичность как базовая и значимая ценность рассматривается только незначительной частью молодых людей [33].

Наряду с этим по-особому протекают идентификационные процессы у тех молодых людей, которые связывают свою жизнь с получением образования в закрытых и полузакрытых учебных заведениях, например, в кадетских казачьих корпусах. Как считают некоторые исследователи, в рамках кадетского корпуса возникают дополнительные возможности влияния на нелинейный процесс идентификации на основе организационных, культурных и других возможностей в формировании системы ценностей кадетов.

Сетевой подход в социологическом исследовании идентичности. По словам М. Кастельса, сети «не просто обеспечивают организацию деятельности и совместное использование информации. Они на практике выступают в качестве создателей и распространителей культурных кодов и кодексов, причем не только в рамках Единой сети, но и во мно-

жестве форм взаимообменов и взаимодействий... Их наиболее успешные кампании, наиболее яркие инициативы нередко оказываются результатом «турбуленций», случающихся в интерактивной сети многоуровневой коммуникации» [34, с. 308]. Идентификационные процессы в сетевом обществе приобретают нелинейный, открытый, неопределенный характер [2]. И здесь возникает двойственная проблема изучения процесса идентификации. С одной стороны, именно эти характеристики сетевого сообщества делают его привлекательным для молодежи, поскольку здесь возникают особые эвристические возможности для практики идентификации, которые могут быть использованы для укрепления российской национальной идентичности. С другой стороны, специфические особенности идентификационных процессов в рамках сетевых сообществ предполагают использование возможностей сетевого анализа как методического инструментария изучения идентификации.

Отправным пунктом сетевого анализа в социологии стали социометрические матрицы и графические социограммы Я. Морено (1934) [35]. На социограммах фиксировались взаимоотношения в группах, в которых раскрывались предпочтения и ориентации индивидов, включенных в общую ситуацию взаимодействия. Такой анализ позволил выявлять и описывать существующие микрогруппы, их лидеров и звезд, аутсайдеров, т. е. раскрывать позиции людей с различными характеристиками идентификации – как успешной, так и проблемной. Практическое значение использования социометрии в изучении идентификации было велико. Однако теоретическое осмысление социограммы как основания сетевого подхода в изучении успешности идентификации пришло значительно позже.

Похожую процедуру предполагал (обсуждал) в своих исследованиях антрополог А. Рэдклифф-Браун, который заявлял, что общественные отношения могут быть проанализированы, описаны и зафиксированы в виде структурированной графической информации на основе математического анализа. Рэдклифф-Браун отмечал: «...Мы не наблюдаем “культуры” с тех пор, как этот термин определяет не какую-то определенную реальность, а лишь абстракцию. Однако непосредственное наблюдение позволило нам узнать, что человеческие существа связаны сложной сетью общественных отношений. Предлагаю использовать термин “социальная структура” для обозначения данной сети реально существующих отношений» [36]. Долгое время эта идея не поддерживалась в научных кругах среди специалистов социогуманитарного профиля. Однако интересы прикладных социологических исследований и практики анализа успешности/неуспешности идентификации становились одним из побудительных моментов к применению методов социологических исследований, основанных на технологиях, позволяющих «непосредственно наблюдать» идентификационные процессы.

Первое крупное исследование с использованием сетевых графиков осуществил ученик Рэдклиффа-Брауна Ллойд Уорнер. Ему удалось сформировать большую структурную матрицу отношений в производственном коллективе, на которой были представлены многочисленные ситуации, характеризовавшие конфликты и дружбу, формальные и неформальные группы, – самые разнообразные варианты идентификации.

В историю сетевого анализа вошли также разработки К. Левина, который со своими аспирантами разрабатывал теорию, представлявшую коллектив или организацию как совокупность взаимодействующих сил. Эти силы он называл «социальным космосом» и делал попытки сформировать такие схемы, которые отражали бы силу и направленность взаимодействий людей (годология), по существу характеризуя успешность идентификации.

Далее, в 50–60-х гг. прошлого века, А. Бейвлас и Г. Ливитт попробовали «пойти от обратного» в изучении малых групп. Они создавали искусственные рабочие группы, где коммуникации были зафиксированы заранее как условие взаимодействия группы, т. е. структура предполагаемых межличностных отношений в них была понятной еще до начала эксперимента. В частности, эти эксперименты позволили зафиксировать явление центральности как важного момента в осуществлении идентификации в малых группах. Это явление показывает, что человек, который берет на себя большую часть работы по формированию коммуникационного пространства, становится центром группы и в его отсутствие группа эффективно действовать не может, а процесс идентификации нарушается.

Однако как разработки сетевого подхода в 20–30-х гг., так и исследования 50–60-х гг. не позволили сформировать методологическую и методическую базу изучения идентификации. Не случайно этот этап развития теории и практики сетевого анализа характеризуется исследователями как «хаотичная смесь дисциплин» [37]. Только в 70-е гг. Харрисон Уайт создает центр социальных сетевых исследований, в результате деятельности которого возникают условия для развития методологической базы и методического инструментария изучения идентификационных процессов. Методологическую базу исследований составили теория множеств и теория графов, а также новые методы многомерного шкалирования, позволявшие переводить общественные отношения в измеримые величины.

В 1973 г. вышла в свет статья М. Грановеттера «Сила слабых связей», в которой были обобщены выводы о целесообразности исследования слабых связей и предложен математический аппарат обработки полученной информации. М. Грановеттер показал, что в так называемых «слабых связях» кроется большой социальный потенциал, влияющий на все стороны процесса идентификации, ее успешность и противоречия. В 1980 г. была сформирована школа сетевых исследований. С 1990 г. сетевой подход находит свое распространение в России (работы Г. В. Градосельской), и теперь уже «сфера применения сетевого анализа выходит далеко за пределы одной или даже нескольких дисциплин» [37]. Это современная «междисциплинарная область знания» [37], позволяющая изучать, фиксировать и анализировать идентификационные процессы на основе создаваемой модели взаимодействия личности и социума.

Можно отметить достоинства сетевого анализа как метода социологических исследований идентичности. Во-первых, сетевой анализ идентификации позволяет системно моделировать совокупность взаимодействий в социальных группах и на фоне общей картины социальных взаимодействий и развития группы выявлять, фиксировать и измерять характер отношений членов группы друг с другом. Во-вторых, сетевой анализ идентификации возможно применять к изучению многих социальных феноменов как объектов непосредственного наблюдения и анализа. В частности, таким объектом могут быть ценности, которые являются центральным моментом в характеристике (восприятие, освоение и присвоение ценностей) включенных в группу индивидов [38]. В-третьих, сетевые модели обладают несомненным достоинством – наглядностью и образностью представления данных, что имеет важное практическое значение для социальной, управленческой и педагогической деятельности по совершенствованию процесса идентификации в молодежной среде.

Проведенный анализ показывает, что в современной социологической науке сформирован целый ряд фундаментальных концептуальных положений, на основании которых идентичность может быть исследована по многочисленным характеристикам, уровням, параметрам, направлениям и пр. Среди философско-социологических подходов, характеризующих идентичность как социальный процесс, центральное место занимают ценности,

которые индивид осваивает из окружающей среды и принимает как свои. В условиях современного общества идентификационные процессы существенно трансформировались и сопровождаются известными трудностями, и в особенности – среди молодежи. В значительной степени развитие принципов философско-социологического анализа ценностей как центрального момента идентификации создает предпосылки для применения сетевого подхода в диагностике идентичности. Данный подход дает возможность моделировать и более полно охарактеризовать все существенные параметры идентификационных процессов и на этом основании делать выводы о направленности, успешности и содержании идентификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авксентьев В. А. Социокультурная идентичность в XXI веке: выбор российской перспективы // Проблема субъектов российского развития: материалы Междунар. форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход». Звенигород, 16–19 окт. 2006 г. / под ред. В. Е. Ленского. М.: Когито-Центр, 2006. 232 с.
2. Шадже А. Ю., Куква Е. С., Хацац А. А. Влияние сетевых практик на идентификационные процессы в молодежной среде в условиях социокультурных рисков // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6. С. 44–47.
3. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В. С. Магун. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. 327 с.
4. Болтыков О. В. Формирование гражданской идентичности у курсантов военного вуза – одно из условий обеспечения социальной безопасности личности // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2014. Т. 20, № 2. С. 111–113.
5. Евгеньева Т. В., Титов В. В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // ПОЛИС. 2010. № 4. С. 122–134.
6. Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.
7. Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. М.: Наука, 2005. 396 с.
8. Кузнецова Е. В. Проблема идентификации личности в истории гуманитарного знания: теоретико-методологический аспект // Вестн. ЧелГУ. 2011. № 30 (245). Сер. «Философия. Социология. Культурология». Вып. 22. С. 117–120.
9. Baumeister R. F. How the Self Became a Problem: A Psychological Review of Historical Research // J. of Personality and Social Psychology. 1997. Vol. 52, № 1. P. 163–176.
10. Лошкарева-Имгрунт С. И. Социальная идентификация в предметном поле философского исследования: обзор концепций и подходов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 227–231.
11. Словари и энциклопедии. Психология. URL: <https://www.psyoffice.ru/6-881-identichnost.htm> (дата обращения: 27.08.2017).
12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 342 с.
13. Барышникова И. В. Понятие идентичности в социологическом дискурсе // Вестн. ВолГУ. Сер. 7 «Философия. Социология и социальные технологии». 2009. № 2 (10). С. 166–171.
14. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 576 с.
15. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.
16. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, 2000. 320 с.
17. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 158–181.

18. Кули Ч. Первичные группы // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 330–335.
19. Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. 263 с.
20. Шюц А. Аспекты социального мира // Смысловая структура повседневности мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2003. С. 114–162.
21. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева. М.: КА НОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 304 с.
22. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
23. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер. с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М.: Практис, 2002. С. 364–380.
24. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. 635 с.
25. Бурдые П. Начала / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
26. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуриации. М.: Акад. проспект, 2003. 528 с.
27. Астафьева О. Н. Модели этнокультурной идентичности в современном информационно-коммуникативном пространстве // Вестн. библиотечной ассамблеи Евразии. 2004. № 3. С. 15–21; № 4. С. 42–48.
28. Петрова Е. В. Глобализация и проблема сохранения культурного многообразия / отв. ред. Ю. В. Хен. М.: ИФ РАН, 2010. С. 127–148.
29. Чупров В. И. Методология, теория и история социологии: сб. науч. ст. Материалы Всерос. науч. конф. «Методология, теория и история социологии» / под ред. В. И. Филоненко. Ростов н/Д, 11–12 нояб. 2011 г. 2012. С. 453.
30. Делокаров К. Х. Глобализация и проблемы устойчивости современного мира // Глобализация и философия. М.: Экопресс, 2001. 82 с.
31. Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4-го Конвента РАМИ: в 10 т. Т. 2. Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / МГИМО(У) МИД России, Рос. ассоциация междунар. исследований; под общ. ред. А. Ю. Мельвиля; ред. тома И. М. Бусыгина. М.: МГИМО-Университет, 2007. 115 с.
32. Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. К 70-летию академика В. А. Тишкова. М.: Наука, 2011. 670 с.
33. Паин Э. Проблемы самоидентификации россиян: со страной, с регионом, с этнической общностью // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М.: Кеннан, 2003. С. 5–21.
34. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 631 с.
35. Moreno J. L. Who Shall Survive? Washington DC: Nervous and Mental Disease Publishing Company, 1934. 440 p.
36. Radcliffe-Brown A. R. On Joking Relationships // Africa: J. of the International African Institute. 1940. Vol. 13, № 3. P. 195–210.
37. Сулов С. И. История возникновения и становления сетевого анализа // Власть. 2017. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-i-stanovleniya-setevogo-analiza> (дата обращения: 01.09.2017).
38. Гегер А. Э. Выявление индивидуальных и групповых ценностей в группе молодежи. Релевантные методические решения // Социол. исслед. 2010. № 1. С. 132–141.

P. P. Deryugin, I. A. Baruzdin
Saint Petersburg State University

S. V. Kurapov
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

METHODOLOGICAL AND METHODICAL BASIS OF THE NETWORK APPROACH TO THE STUDY OF SOCIAL IDENTIFICATION

The article is devoted to the compilation and analysis of existing methodological approaches to research of the process of social identification in the philosophical and sociological science. The characteristics of the process of social identification are revealed on philosophical and sociological level. The history of the formation of the concept of identity, a brief review of the ideas associated with the study of identity in the areas of philosophy and psychology is considered. The approaches to the research of the identification process in different schools and directions of sociology are considered. The major sociological aspects of studying an identification problem among the Russian youth are identified. The heuristic network method to study identification revealed the benefits of its axiological direction. The effect of values on the identification choice of today's youth is indicated.

Identification as a form of socialization, identification and identity, values and the process of social identification, the problems and difficulties of social identification of young people, a network analysis of the process of social identification

УДК 314.74

М. П. Замотин

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

МИГРАЦИОННАЯ ТЕМАТИКА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ

Рассматриваются миграционные исследования и вопросы с позиции значимости для этносоциологического пространства изучения миграционных проблем в России и связанных с ними проблем этносоциологии, таких как идентичность, этничность, конфликт, этническая структура. Обращается внимание на проблему этничности и подходы к ее интерпретации. Особое внимание уделяется этнической миграции как явлению, а также подходам к ее изучению. В статье рассматривается ряд проблемных областей в изучении этнической миграции: поколенческая проблема, стратегии адаптации в городской среде (на примерах конкретных исследований), политическое измерение миграции, дискриминационные социальные практики, формирование социальных сетей мигрантских сообществ.

Этносоциология, этничность, миграция, идентичность

Этносоциология как раздел социологии в СССР появилась в 1960-х гг. и оформилась как самостоятельное научное направление на стыке социологии и этнографии. Этническая социология относится к теориям среднего уровня, в рамках которых изучаются социальные процессы, происходящие в различных этнических плоскостях, а также эффекты этнического многообразия, определяющие различные социокультурные, социополитические, социальноэкономические, межличностные и другие процессы, происходящие в больших и малых группах.

Исследовательские интересы формировались во многом и в результате событий, происходивших внутри научного сообщества (обращение к наследию П. А. Сорокина, М. М. Ковалевского, знакомство и освоение теорий и идей западно-европейской традиции изучения феномена этничности в социальных науках, междисциплинарная и методологическая интеграция этносоциологии в различных регионах СССР), и в результате наблюдения и